

Спаси друга и спасешься сам

Храм Великой Матери Кибелы был сумрачен и таинственно тих. Семь сияющих столпов, через которые в храм спускались Духи Огня, погасли, лишь трепетало, то разгораясь, то медленно затухая, пламя клятвенного огневища. Густой аромат благовоний, смешанный с терпким запахом крови, обволакивал черный камень в форме фаллоса, возвышавшийся в центре храма. Широкая каменная чаша, врытая в пол, поблескивала антрацитовый гладью застывшей на дне темной жидкости. Это была кровь священного быка, принесенного в жертву ради возрождения убиенного бога Диониса, прозванного Вакхом.

Над чашей хлопотало полдюжины низкорослых, крепко скроенных корибантов, служивших то ли помощниками богини Реи, то ли главными зрителями и уборщиками при храме.

– Что ни говорите, братья, – отер пот со лба самый маленький, – а я не верил, что из той

восковой куклы, которую притащила в сундуке Афина, получится полноценный живой бог.

– Да какой он бог, – пренебрежительно молвил старший, тряхнув рыжими кудрями, скрывавшими маленькие рожки, – Вакха титаны потому и растерзали, что он вел себя неподобающим богу образом. Буянил на Священной горе, пил, дрался.

– Говорят, он не дрался, а просто плясал, а драться пришлось Афине, спасая этого буяна от разъяренной толпы гигантов.

– Да, уж! Ей-то досталось больше всех, – вступил в разговор третий, разгибая натруженную спину и довольно потягиваясь. – Мало того, что убила нечаянно своего друга Палланта, так потом сутки напролет корпела в лаборатории, пытаюсь вырастить из ошметков Вакха что-то путное.

– Сама при этом чуть живая, – пискнул малыш.

– Да... соединиться с другом на дне Океана, а потом закрепить союз в огне кузнечного горна. Клянусь, ей не пройдут даром эти рискованные процедуры, – проворчал тот, что с рожками.

– Афина все сделала правильно, а теперь, когда Духи Огня освятили их союз, они с Паллантом заживут душа в душу, – вступился за богиню маленький.

– Разве я вас не учила, что клятва, произнесенная в Храме, обладает неотвратимой

силой? – раздался под каменными сводами мягкий мелодичный голос.

Из-за колонны выплыла, шурша парчовым нарядом, богиня Рея, именуемая в стенах храма Матерью Кибелой.

Корибанты вытянулись в струнку, отчего их приземистые фигурки заметно подросли и стали казаться стройными. Сквозь пряди рыжих кудрей на богиню виновато смотрели антрацитовые угольки глаз.

– Прости нас, Мать Кибела! Бабушка Рея, исправь нашу ошибку! Мы не хотели навредить Афине! – наперебой загалдели растерянные служки. – Ведь матушка ее, Метида, всегда была так добра к нам. Даже когда мы были уродцами, – тихо добавил маленький, испуганно глянув на братьев.

Он все еще боялся увидеть перед собой тех кривоногих и безволосых бесенят, которыми они были до чудодейственного обряда, возродившего Вакха и соединившего навек души Афины и Палланта.

Корибанты не были баловнями судьбы. Когда сладкоголосая муза Каллиопа родила Зевсу детей со сморщенными личиками, без волос на голове, зато с волосатыми и кривыми ручками и ножками, он ужаснулся их демоническому виду и приказал убрать новорожденных с глаз долой. Каллиопа обиделась и никогда больше

не услаждала слух Зевса своим пением. В уединении она писала длинные эпические поэмы, полные драматизма и грусти.

Рея забрала отверженных, спрятав их от глаз людских и гнева Зевса в самом удаленном храме на Самофракии. Там она обучила смысленных уродцев магии и волшебству. Дети Каллиопы выросли послушными и трудолюбивыми. Они не только с усердием чистили храм, но и возвращали чистоту оскверненным душам, поскольку их основной обязанностью было прислуживать при исполнении обрядов. А таинства на Самофракии свершались воистину чудодейственные.

Помимо обрядов очищения, практиковавшихся и в других храмах, на Самофракии проводился обряд преображения, задуманный как средство рассредоточения титанической силы по семи небесным и земным сферам. Затянувшаяся распря Зевса с титанами грозила взорвать шаткое равновесие небесных и земных сфер, поэтому титаниды уговорили своих мужей и братьев, титанов, вернуться из грубой земной реальности к своему естеству – Божественному Свету. Вдали от людских глаз, а главное – от всевидящего ока Зевса, на маленьком скалистом островке как раз в ту ночь свершилось таинство, превратившее могучих титанов в сверхтонкие и бесполое существности.

Обряд Преображения начался при первых сполохах утренней зари, а в полночь снизошли Семь Духов Огня, чтобы освятить таинство слияния титанических сил с извечным Светом, регулирующим небесные и земные процессы. Едва отлетели в огненных столпах преобразенные титаны, в храм грубо и зримо ввалилась Афина.

Грохнув сундук необъятных размеров о каменные плиты храма, она отерла пот с обветренного сурового лица и без лишних слов извлекла из глубин кованого ящика свою поклажу. На ее руках безвольно повисло тело Вакха.

Предваряя неизбежные расспросы, Афина точно и кратко, словно ставила диагноз, изложила историю своих злоключений на Меру, добавив, что прибыла сюда прямо из Туле, где она по методике Аполлона пыталась восстановить Вакха из клеток его живого сердца. Опыт, по ее мнению, не удался.

– Действуя строго по инструкции, я довела его до состояния зомби, но пока это даже не клон Вакха. Как, впрочем, и я – скорее химера, нежели Афина Паллада, – бесстрастно, если не сказать равнодушно, молвила богиня. – Не знаю, что еще можно сделать с этой пустой оболочкой, – и она положила безжизненное тело Вакха на алтарь. – Титаны лишили его души, и мне вернуть ее не по силам. Если можешь,

Матушка Рея, помоги. Не выношу плохо сделанной работы... А впрочем, может быть отец прав, нечего плодить уродов, – безжалостно заключила она.

Выслушав доклад Афины о происшествии на Мере, где гиганты по наущению титанов растерзали бога виноделия, Рея пришла к выводу, что обряду очищения должна подвергнуться, прежде всего, сама Афина. Ибо пытаюсь спасти Вакха, она нечаянно убила своего смертного друга Палланта, а значит, на нее пала кровь убитого. Попытка спасти друга, соединившись с ним прямо на дне океана, а потом в пламени горна, только усугубляла дело. Плоть смертного Палланта не совпадала с божественной сущностью Афины, и это противоречие терзало их души, не говоря уж о телах.

Поспешать с тайнством заставляло еще и то, что при храме на Самофракии постоянно жила мать Афины, титанида Метида. Рея не могла допустить, чтобы та увидела долгожданную дочь в неподобающем облике. И правда, примерив к себе плоть смертного, Афина утратила свою лучезарность, не обрета при этом беззаботной удали Палланта. Афина более всего напоминала усталого воина, вернувшего с проигранной войны, да еще с ненужным трофеем.

Смертный друг ее, Паллант, при жизни не отличался ни красотой, ни умом, зато силы был

немереной, смелости отчаянной, и, не умея обуздать свой нрав, немало нагрешил, скитаясь по Земле. Афина же являла образец ума, красоты и стати. Совмещение этих качеств, проведенное на дне Океана под руководством змееного гиганта, а потом закрепленное в пламени кузнечного горна, дало результат мало гармоничный, если не сказать устрашающий. Метида, веками мечтавшая о встрече с дочерью, могла не выдержать такого удара.

Афина и сама чувствовала дисгармонию, поэтому с готовностью согласилась принять очищение. Паллант, напротив, от перемен устал, и хотел одного – вырваться на волю. Когда вокруг храмовых колонн заплясали огненные столпы, он кинулся к выходу, норовя головой прошибить массивные ворота. Однако Афина знала, как приструнить товарища своих детских игр.

– Забыл клятву – не бросать друг друга в трудную минуту?

– Я не саламандра, чтобы в огонь прыгать, – уперся Паллант, не пуская Афины в огонь.

– Трус-трус-боягуз! – вспомнила Афина детскую дразнилку. – Ты и раньше боялся через костер прыгать!

– Не боялся, просто глаза сами собой закрывались! – неумело оправдывался Паллант.

– Вот и сейчас закрой, и ничего не бойся, мы прыгнем вместе.

Зажмурив глаза, чтобы Палланту не было так страшно, Афина прыгнула в столп огня, как в свою родную стихию. Она кружилась и танцевала в нем, сама легкая и неуловимая, словно пламя. А Паллант, позабыв про страх, обнимал ее надежными руками друга.

С тавроболией все обошлось и того проще. Трудолюбивым корибантам и делать ничего не пришлось, разве что наблюдать, как кровь быка, хлынув горячей струей в лицо богини, омыла тело, стекая на дно купели. Дав Палланту вволю напиться мощью и бесстрашием быка, Афина выпрыгнула из чаши, чтобы тут же нырнуть с головой в чан с живой водой, доставленной корибантами с ледников Олимпа.

Когда над водой появился обновленный лик богини, корибанты захлопали в ладоши. Над головой сиял лучезарный нимб, глаза светились неизъяснимым счастьем. Легкая, как пламя, и резвая, как жеребенок, Афина выскочила из чана, обдав корибантов мириадами брызг, и умчалась переодеваться. Теперь она имела полное право именовать себя Афиной Палладой.

Когда бог явился некстати

Хуже дело обстояло с Вакхом. Бог виноделия был доставлен на Самофракию в состоянии пограничном между «сомати» и «зомби». Афине удалось воссоздать в лаборатории Аполлона тело, но изъятая титанами душа отказывалась воссоединяться с этой искусственно созданной оболочкой.

Брошенный Афиной на алтарь, бог виноделия выглядел восковой куклой, на которой недобросовестные жрецы отработывали свои злые заговоры. Рея долго колдовала над распростертым телом, однако ее магические заклинания и таинственные пассы не зажгли даже искорки сознания, не пробудили к жизни восковую плоть. Рея впервые сталкивалась с ситуацией, когда тело бога было восстановлено лабораторным путем, и в эту-то искусственную форму она пыталась вернуть живую душу. Поруганная душа Вакха сопротивлялась, не признавая нового тела. Измученная и страдающая, она жаждала покоя.

Ради одного лишь Вакха Мать Кибела и тревожить бы Духов Огня не стала, поскольку считала приход Вакха к людям преждевременным, не сулящим ничего хорошего. Другое дело – Афина. Справедливая до самоотверженности, она всю себя отдавала людям, в рвении своем не щадя ни себя, ни других. Поскольку Духи Огня не замедлили явиться на помощь Афине, Рея рискнула испросить у них согласия на восстановление Вакха. Дело в том, что приняв преобразование, титаны сами сливались с Духами Огня, а значит, присутствуя при новых инициациях, могли влиять на процесс преобразования. То, что они не испепелили безжизненное тело Вакха прямо на алтаре, свидетельствовало, что он прощен. И корибанты приступили к процедуре тавроболии.

Обряд этот был разработан на Атлантиде и применялся в отношении смертных, запятнавших себя грехом убийства, но Рея резонно рассудила, что раз Вакх утратил душу, он вполне подходит к разряду смертных, которых боги за непростительные грехи лишили души.

В священном стаде при храме был отобран и пойман без применения железа старый, уставший от жизни бык. Напоенный специальным снадобьем, он покорно вошел в храм и возлег на алтарь. Корибантам не пришлось ни усмирять, ни привязывать его. А вот гуттаперчевое

безжизненное тело Вакха сопротивлялось. Оно сползло по краю чаши, сворачиваясь на дне невинным эмбрионом, словно просило не мучить его больше, дать покой.

Однако Рея сочла это знаком готовности к новому рождению, и настояла на проведении таинства в полном объеме. Корибанты встали вокруг купели, поддерживая обвисшее тело за плечи, руки и даже за волосы. И чудо свершилось. Нет, главное чудо было не в том, что Вакх при первых брызгах крови ожил и, совершая нелепые движения, напоминающие танец безумного, попытался выбраться из чаши, а в том, что, корибанты по окончании обряда с трудом узнали друг друга.

Вытащив из чаши пляшущего Вакха, малыши сами запрыгали от радости, изумляясь чудному преобразению своих невзрачных тел. Над безнадежно лысыми головами засияли короны огненно-рыжих кудрей, изрезанные морщинами щеки налились, будто спелые яблочки, а волосатые ручки и ножки стали стройными и мускулистыми.

Чуть опомнившись, корибанты впали в уныние, посчитав нечаянно обретенную красоту «хлебом стыда», то есть наградой, полученной не по заслугам. То им казалось, что перемены заметны только им, то пугались, что этот случайный дар у них непременно отнимут. А тут

еще такая оплошность! Проклясть невзначай Афины Палладу, прошедшую ради спасения друга через огонь, воду и кровь.

– Прости, прости нас, Мать Кибела! Мы не хотели навредить Афине! Сиятельная Рея, не лишай нас нашего нового облика, хоть мы и не заслужили его, – причитали они, стучаясь своими кудрявыми головками о каменные плиты пола.

Рея уже и сама пожалела, что своим резким замечанием ввергла несчастных малышей в панику. Подняв повелительным жестом руку, она прекратила жалостные стенания.

– Успокойтесь, Афина не пострадала, – молвила она. – Когда клянутся на прошлом, проклятие ложится на будущее, а поскольку Афина бессмертна и бездетна, ей ничто не грозит. Она вне времени.

– А как же Паллант? – робко спросил малыш. – Ведь он был смертным, пока Афина не приняла его в себя. Он скинул теперь бремя земных ограничений?

– Да, для того и проводятся обряды, чтобы слились не только тела, но и души, – назидательно молвила Рея. – Кроме того обряд, которому подверглась Афина, обладает столь мощной защитой, что его не разрушит невзначай оброненное слово. Хотя СЛОВО – прошу запомнить раз и навсегда – это основа основ

всего сущего, и обращаться с ним нужно очень бережно.

– Мы это знаем, – сказали, как выдохнули, корибанты.

Их смуглые личики в обрамлении пламенеющих кудрей сияли такой неподдельной радостью и чистотой, что Рея невольно залюбовалась.

– Но мы боимся, что нечаянно похитили часть красоты и славы у Афины и, возможно, у Вакха, – взял на себя смелость поделиться сомнениями самый маленький. – Ведь Духи Огня спустились к ним, а облагородили, получается, нас. – И он глянул на братьев, опасаясь увидеть на их загорелых личиках признаки увядания.

– Ах, вы, мои родные, – растроганно молвила Рея. – За занятостью своей я уделяю вам слишком мало внимания. Вы блестяще провели сложнейшее таинство, даже не вполне понимая суть его. Объясню вкратце.

Обряд Семи Духов Огня разрабатывался отнюдь не для того, чтобы спасти Вакха, загубившего самого себя, и не для того, чтобы исправлять ошибки самонадеянной Афины, а для того, чтобы прекратить бессмысленную распря между богами и титанами.

Вряд ли надо пояснять, что победив отца своего Крона, Зевс так и не почувствовал себя победителем. Конечно, он без проблем разделил

с братьями земные сферы, отдав Посейдону Подводный мир, где тот всегда и обитал, Аиду – Преисподнюю, что вполне соответствовало его характеру, за собой же оставив Небеса, ссылаясь на свое старинное имя Дий, Сияющее Небо. Но титаны – и Гиперион, и Крий, и Йапет, – не говоря уж о самом Кроне, издревле обитали в Небесных сферах. Зевс усмотрел в этом притязания на свою зону ответственности и начал всячески унижать и притеснять древних богов. На деле же он просто опасается реванша Крона, – излагала Рея истины, хорошо известные всем, а потому полузабытые. – Не вполне уверенный в легитимности своей власти, он ставит титанам в вину любой пустяк. Когда Крон выбрал себе скромный островок Аквилон, где – всего-то навсего! – построил руками гигантов обсерваторию по наблюдению за небом, Зевс и в этом усмотрел подрыв своего авторитета.

Мы с сестрами-титанидами предлагали разные способы урегулирования конфликта. К примеру, раздел сфер влияния и невмешательство в дела друг друга. Зевс формально соглашался, а на деле... любой конфликт на Земле перечеркивал все договоренности. Был план оставить за титанами Меру, как их исконную обитель... – Рея закашлялась, поскольку в храме было душно от благовоний, да и костер догорал, воскурываясь синим дымком.

Старший поднес богине чашу с напитком, а рыжий с рожками пискнул, воспользовавшись паузой:

– Богам во главе с Зевсом очень подошел бы Олимп.

– Да они и сами его уже выбрали, – веско молвил старший. – Видели бы вы, сколько там дворцов понастроено. Даже Посейдон площадку под земную резиденцию присмотрел.

– Ах вы, негодники! – засмеялась Рея, отхлебнув из кубка. – Мотаетесь по Аттике, вместо того, чтобы следить за храмом. А что, если люди сюда забредут?

– Ну и пусть забредают на завтрак львам, мы ведь их специально не кормим, если отлучаемся погулять, – простодушно отвечал маленький. – Чтобы злее были.

Старший резко дернул брата за фартук.

– Не слушай его, Мать Кибела, он у нас глупенький. Мы на Олимп за живой водой ходим, когда ледники тают, а если люди по дороге попадают, мы прячемся, – попытался он исправить ошибку брата.

Рею, однако, не рассердило наивное признание внука. Она и сама опасалась людей. Ведь если огненную купель могли принять лишь обитатели небесных сфер, то кровавая купель применялась, в определенных случаях, и к смертным.

Рея предвидела, что тавроболия станет некогда популярным обрядом, однако ее беспокоило, как бы люди, прослышав про очищающую силу крови и добровольный отказ от пола во имя Духа, не извратили сути таинства, упростив его до вульгарного оскотления. Поэтому инициации проводились в строжайшей тайне и обязательно под покровом ночи. Сторожевые львы были приставлены к храму именно для того, чтобы уберечь обитель богов от назойливого людского любопытства, а людей от бессмысленного надругательства над своей плотью.

– Обряды Самофракийского храма изначально предназначались для титанов, а вовсе не для Афины с Вакхом, и уж тем более, не для людей, – повторила Рея, чтобы рассеять остатки тревоги, застывшей на доверчивых личиках. – Но вам, мои милые, незачем тревожиться по поводу обретенной красоты. Титаны не отнимают своих даров. Они, я вижу, не пожалели на вас своей светозарной мощи.

– Мы Великих титанов ни о чем не просили! – вскинули свои горящие глаза корибанты. – Наше дело служить небесам и помогать страждущим, а не для себя выгод искать.

– Вот Небо и вознаградило вас за усердие новым обликом, а титаны через щедрые дары дали понять, что они довольны обретенным статусом, – пояснила непростую ситуацию Рея.

Титаниду не могли не радовать результаты ночных бдений. Все говорило в пользу того, что свобода, которую получили титаны, избавившись от мелочной опеки Зевса, сделала их добрее и щедрее. Ведь это по наущению титанов гиганты с великанами растерзали на горе Меру Вакха, устроившего там пьяный дебош. Вакха не просто лишили жизни, ибо это невозможно, пока тот являлся богом, а путем сложных манипуляций изъяли душу, поставив тем самым свою жертву ниже любой смертной твари. Тот факт, что лабораторному клону удалось вернуть бессмертную душу, означало одно – Вакх прощен.

– Силами Света и нашими скромными усилиями добро вознаграждено, а зло, испив чашу страданий, заслужило прощения. Да будет так во веки веков! – изрекла Рея непререкаемым тоном Матери Кибелы.

Корибанты слушали Рею, затаив дыхание, не веря своему счастью. Лишенные любви отца, они нежданно-негаданно получили опеку самых могущественных высших сил, а значит, никто не отнимет теперь их красоты.

Корибанты запрыгали и захлопали в ладоши. Золотые нимбы волос колыхались, как одуванчики на ветру, стройные крепкие ножки слаженно отбивали такт, и это уже были не пляски маленьких бесенят, а танец ликующих ангелов.

Радость внуков передалась Рее. Ей даже показалось, что к пляскам корибантов присоединился Вакх. Она вспомнила, как едва выбравшись из чана, пошатываясь и скользя в лужицах крови, бог виноделия пустился в пляс. Хлопая в ладоши, за неимением музыкальных инструментов, он принялся выделывать немислимые коленца, звонко шлепая себя по ляжкам, по животу, и даже по спине и пяткам. Обычно Рея не одобряла шумного веселья и не допускала оргий в храме, но повод на этот раз был исключительным.

– Думаю, уместно будет сопровождать обряды Великой Матери Кибелы танцами и барабанным боем, – с улыбкой молвила она.

– Ура! Ура! Ура! – дружно откликнулись карибанты.

– Так тому и быть, – кивнула головой Рея. – А сейчас – не пора ли отдохнуть? Как говорится – день да ночь – сутки прочь, хотя в ходе обрядов время исчезает.

– А как же храм? Мы пол еще не почистили!

– Ничего! Вакх, как отойдет ото сна, пусть за собой и прибирает. Не все плясать, да веселиться.

– Спасибо, бабушка Рея! Только львов пусть не кормит. Они быка уже уплели, а кроме того, львы Вакха и разорвать ненароком могут. А нам возись с ним вдругорядь!

– Ну, где вы только слов таких нахватались?! – всплеснула руками Рея. – Уплели! Вдругорядь! Говорила я, не болтайте среди людей. С кем поведешься, от того и наберешься. Следует говорить «в другой раз», или «еще раз».

– Но «вдругорядь» сподручнее и точнее, – упрямо возразил маленький, стараясь проشمгнуть мимо бабушки, которой немного побаивался.

– Ладно, умник, иди, отсыпайся, а через десять тысяч лет сделаю тебя профессором филологии, – с улыбкой сказала Рея. – Будешь с кафедры людей учить.

– А что такое кафедра? – застыл на пороге малыш.

– Кафедра – это почти как алтарь, только в университете, – и предваряя следующий вопрос, добавила – а Университет – это тоже храм. Храм науки.

– Слышал, они есть на Атлантиде. – важно изрек старший.

– Ура! – заорал малыш. – Я буду служить на Атлантиде!

– Нет, дружок, боюсь, Атлантиды тогда не будет. Впрочем, на сегодня с вас довольно...

Бог шельму метит

Усталая и довольная, Рея присела к догоревшему жертвеннику. Остывающие угольки уже не чадили дымом, лишь вспыхивали изредка сквозь пелену пепла сияющими искорками, будто звезды в ночи.

Опустошение, всегда посещавшее Рею после хорошо выполненной работы, сменилось блаженным чувством покоя и неизъяснимой радости. Радоваться, и правда, было чему. Все удалось, даже сверх задуманного. Во-первых, титаны согласились отказаться от изнуряющей и бесплодной борьбы с Зевсом, более того, старшие, и самые непримиримые, добровольно вернулись в первозданный мир бестелесных существ. Рея, конечно, подозревала, что они и из тонких миров не оставят своим вниманием Зевса, но это противоборство исключало участие в схватках смертных, а значит, Земля могла отдохнуть от постоянных кровопролитных войн.

В очищающем пламени Семи Духов Огня титаны перешли в бесполое и бесплотное состояние, сохраняя вездесущность и всеведение, а значит, оставляя за собой роль всеобщего